

2. Велехова Н. А. Когда открывается занавес. М.: Искусство, 1975.
3. Искусство и эстетическая культура. СПб.: Искусство, 1992.
4. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998.
5. Мастерство режиссера. М.: Гитис, 2002.
6. Михайлова А. А. Сценография: теория и опыт. М.: Искусство, 1990.
7. Основы системы Станиславского: уч. пос. / А. В. Киселева, В. А. Фролов. Ростов н/Д.: Феникс, 2000.
8. Рудницкий К. Л. Спектакли разных лет. М.: Искусство, 1974.

В. А. Сулимов

**Человек в контексте знания:
мировоззрение и современная культура**

УДК 37.013.43

Статья посвящена проблеме формирования человека при помощи его погружения в когнитивный и социально-культурный контексты. Такой способ идентификации создает основу для образовательной системы региона.

Ключевые слова: человек-в-культуре, формирование, интеллектуальное самообоснование.

V. A. Sulimov. Person in the context of knowledge: the world view and modern culture

The article is devoted to the formation of man by his immersion in cognitive and socio-cultural contexts. This method of identification forms the basis for the educational system in the region.

Key words: man-in-culture, education, intellectual self-substantiation.

Человек-в-культуре – цель и смысл педагогической деятельности. Как цель и смысл гуманитарного знания вообще, какими бы позитивистскими иллюзиями не было бы пронизано поле научных идей. Это – идеальный конструкт, включающий в себя культурно-антропологические и социально-культурные черты человека, главное из которых –

бытийная включенность сознания в текст и текста в сознание, создающих особое – метафорическое существование человека в виртуальном мире идей, символов, литературных нарративов и культурных эпох. Суммарность текстоцентрических сверх-ассоциаций, формирующих человека как особый текст (текст для..., текст – ответ, текст – возможность ответа), дает эффективный способ самооправдания, осмысления себя в пространстве культуры таким образом, чтобы трагедия обязательного не-бытия была компенсирована, сглажена, заранее отрефлексирована. В этом смысле и попытки социально-культурной самоидентификации (часто пролонгированные на всю длину жизни), и акты философской рефлексии (разрешающие критические узлы повседневности), и креативные поступки или намерения их осуществления – все это фрагменты одного пазла – бытия человека-в-культуре. Выдвинувший идею человека в культуре как уникальной антропологической платформы существования мира (иначе мир будет растоптан brutальными попытками хаптического человека утвердиться и завладеть), Вадим Львович Рабинович сумел идею метафорического человека выразить метафорически – через образный поэтический ряд:

«Так что же?
И, стало быть, нету
Даже пустого тире
Меж рождением и смертью? —
Смертная жизнь.
Но и смерть –
Живая, как жизнь:
Не тире, а скорее, – дефис.
Двоящееся Одно...
Стеклянные слезы
Живых пронизательных глаз.
Перо из металла.
Теплое, птичье –
С роговою и ломкою остью...» [3:314]

Укореняясь в культуре, становясь источником смысла, особым смыслопорождающим текстом, камешком в бесконечном калейдоскопе когнитивных порождений жизни, человек-в-культуре оправдывает

свое предназначение. Движение в будущее есть иллюзия перемен, движение к истине есть иллюзия понимания, становление человека-в-культуре есть надежда на укрепление реальности, причем реальности наиболее устойчивой – виртуально-символической.

Человек и культура

Тезис о центральной роли культуры в становлении современной личности кажется абсолютно тривиальным. Однако это не совсем так. Вопрос не в том, чтобы признать ведущей роль культуры в общественном бытии, вопрос в том, каким мы видим процесс «вхождения» человека в культуру (инкультурацию) и что понимаем под самой культурой, в каком смысле мы употребляем этот термин. В широком смысле слова под культурой мы понимаем весь мир человека, формируемый под воздействием имагональных энергий индивидуального и социального сознания как единственной опоры виртуального по существу вне-природного мира. Это определение близко к определению Питирима Сорокина, который коротко и емко назвал культуру «над-природным Универсумом» [5]. Этот универсум, построенный на основе нематериальных – когнитивных и духовных – элементов оказывается пластичным и подвижным (в силу пластичности и подвижности структур сознания), способным создавать («материализовывать») символические миры в виде собственно символических систем (как, например, петроглифические поля древних жителей Кольского Заполярья) или строить символические миры в виде целостных цивилизаций (как, например, железно-паровой мир европейской культуры XIX в. и титано-кремниевый мир современной информационной эпохи). В этой изменчивости (как и изменчивости багажа научных идей и интеллектуальных практик) проявляется изменчивость самой культуры, находящейся в постоянном движении. Продолжая размышления П. Сорокина о смыслах переходности, Н. А. Хренов указывает, что идея переходности не является внешней для культуры. Она заключена «в самой культуре, когда одна система ценностей распадается, а другая возникает и находится в стадии становления». «Именно из состояния культуры, – пишет Н. А. Хренов, – а отнюдь не экономики, как мы привыкли считать, выводятся и все противоречия, все катаст-

рофы, имеющие место, как в государственной, так и в общественной, и даже приватной жизни» [8:8].

Для человека, переживающего переходность как личностную драму, важно понимание сути процессов, происходящих в культуре, и место данного индивидуума в этих процессах. Другими словами, на первое место выступают проблемы социально-культурной идентичности. Эта идентичность, становление которой как *системного продукта* проходило в России (как и ряде стран «социалистического содружества») в последние двадцать – двадцать пять лет в условиях (а) падения господствующей идеологии; (б) ничтожения усвоенного в традиционном (социально-христианском) или модернистском (экономико-социальном) вариантах главенствующего *образа желаемого будущего* как некоторого социально-культурного трансформера (ср. идеи града небесного и коммунистического рая), место локализации которых в индивидуальном сознании всегда – в одном историческом времени – будущем неопределенном; (в) денонсации идеи образования как подготовки для жизни и деятельности в ситуации будущего неопределенного – «светлого завтра». Все эти обстоятельства привели к усложнению процедур самоидентификации в условиях разворачивающейся «постистории»: «На протяжении последующих десятилетий завершение функционирования будущего как «горизонта ожидания» в диалектике критики и кризиса становится все более и более явным в контексте посткоммунизма, процесса осознания экологических проблем и климатических изменений, вызванных человеком, а также начала восстановительного процесса, нацеленного на рассмотрение катастроф XX в., причиной которых стал сам человек» [7:81]. Главным уроком «ничтожения будущего» становится не только (а, может быть, и не столько) дефицит идеологии в социально-культурных моделях 90–2000-х гг. и увлечение вне-личностными финансово-экономическими конструктами, лишенными всякого культурного смысла. Главным уроком без-идеационной социальной депрессии последнего времени становится понимание неустойчивого характера самой идеологии, не подкрепленной «качествами человека», личности, способной сохранять и совершенствовать ту устойчивую картину мира, которую принято называть *мировоззрением*. В отличие от идеологии, навязываемой человеку в виде некоторой социально оправдан-

ной данности (как правило, специальными идеологическими институтами), мировоззрение возникает как опыт и экзистенциальное переживание, как понимающее сознание и эстетическое чувство, как попытка самостроительства, самоконструирования сознания, а значит, и как важнейший фактор самообоснования личности. «Короткий след» идеологии полностью перекрывается «длинным следом» мировоззрения, проносимого иногда через всю жизнь, независимо от благоприятности складывающихся обстоятельств. Подтверждение этому мы находим в биографических описаниях, мемуарной литературе или «литературе памяти»¹, в том числе исторических романах М. Гроссмана, воспоминаниях В. Шаламова и Д. Лихачева, хрониках А. И. Солженицына и др. Мировоззрение (в социальном смысле) представляет собой фрагмент очень устойчивого феномена, который получил название «символический капитал» и представляет собой главную опору той «символической власти», о которой писал Пьер Бурдьё [1].

Мировоззрение в контексте социального

Следует осознать, что возможности мировоззрения как «расширенной», многоаспектной, текст-ориентированной каузации не могут быть реализованы ни в рамках политической идеологии, как правило, лишенной смысловой и социально-экономической «подложки» и принципиально не транслируемой культурой в межпоколенческом варианте, ни в рамках дисциплинарного парадигмального знания, ограниченного задачами «предметного» (всегда – частичного или гипертрофированного) представления мира. Мировоззрение – это не набор идеологем, а актуализированный и каузированный социально-культурный габитус, образовавшийся на основе «природного» габитуса, предоставленного интериоризированным способом существования и контекстом того социального «поля» (национального, семейного, группового, интеллектуального), продуктом которого является данный субъект. П. Бурдьё определил габитус как «продукт характерологических структур определенного класса условий существования,

¹ Литература памяти – жанр не-мемуарной литературы «воспоминаний», пытающейся восполнить лакуны в историческом сознании молодежи с целью облегчения процесса самоидентификации. Это могут быть псевдомемуары, псевдохроники, романы-фэнтези и др.

т. е.: экономической и социальной необходимости и семейных связей или, точнее, чисто семейных проявлений этой внешней необходимости (в форме разделения труда между полами, окружающих предметов, типа потребления, отношений между родителями, запретов, забот, моральных уроков, конфликтов, вкуса и т. п.)» [1:86].

Именно в виде габитуса возникает начальная социально-культурная каузация, предполагающая, конечно, информационную и аксиологическую надстройку в виде креативной единицы – социально-культурной личности, однако не предполагающая слом либо катастрофический разрыв, практически неизбежный при переходе «социального тела» индивидуума из индивидуально ориентированного (проживаемого) социального пространства культуры в индивидуально осмысливаемое (понимающее) интеллектуальное пространство культуры. Система социально-культурной каузации «выдерживает», как правило, нагрузки перемен, экономической и социальной нестабильности, часто возникающие в условиях рыночного типа организации производства и распределения. Более того, обосновавшись в индивидуальном сознании, мировоззренческие смысловые элементы *активно влияют* на построения индивидуумом своего «типа реальности», расширяя тем самым поле культурно-созидательной и проектной деятельности.

Мировоззрение не формируется из произвольно избранных информационных источников, не воспринимается как «чужой» проект и не выучивается как набор позитивных «знаний». Мировоззрение постигается в ходе чувственного ощущения интеллектуальных изменений, происходящих в индивидуальном сознании под воздействием текстов культуры. Такое предположение позволяет связать в единое целое три эпифеноменальных источника мировоззрения как имманентной основы индивидуального сознания. Эти три источника можно представить в виде трех информационно-коммуникативных областей, составляющих повседневность массового образования:

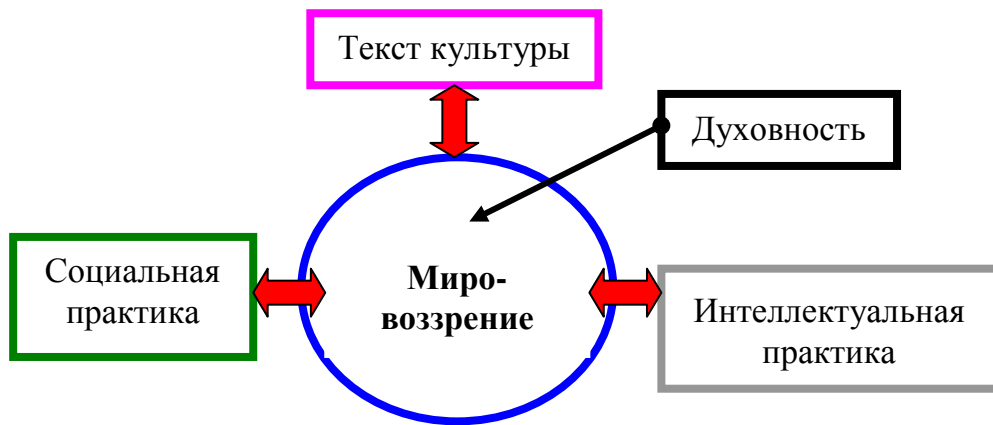
а) *область текстов культуры*, охватывающих исторический процесс становления национального семиозиса, очерчивающих границы семиосферы (границы – всегда область порождения смыслов), демонстрирующая тезаурусный контекст действующего (актуального) сознания человека-в-культуре (пределы социально-культурной заданности);

б) *область интеллектуальных практик*, позволяющих осваивать интеллектуальное пространство современной культуры (систему позитивных и философско-культурологических знаний), информационное пространство современной культуры (систему электронных коммуникаций, интернет, электронные базы данных), коммуникативное пространство современной культуры (информационные и сетевые сообщества, коммуникативные проекты, варианты научной, художественной и личностной коммуникации, телевизионные и массмедиа-технологии);

в) *область социальных практик*, охватывающую специальную коммуникацию, гражданскую и правовую активность, социально-культурное проектирование.

«Эпифеноменальность» этих областей объясняется тем обстоятельством, что они не образуют активную действующую творческую личность автоматически – в условиях отсутствующего мотивирующего элемента сознания – некоторого интеллектуально-чувственного мифа *оправдания собственного бытия*, а концентрируют информационно-аналитический материал, который может быть использован для фундаментации личностно мотивированного мировоззрения. Такая фундаментация требует нравственного усилия, точно так же, как приобретение нового человеческого качества всегда требует пренебрежения чем-либо и/или утраты чего-либо. Личность, всегда открытая в мировоззрение, есть сознательный акт преобразования, требующий, конечно, немалой духовной энергии. Именно здесь *духовность* и *интеллектуализм* составляют матрицу культурного поведения и культурной деятельности человека-в-культуре.

Поэтому указанными выше областями не исчерпывается пространство, порождающее человека-в-культуре, но триада *текст культуры – интеллектуальная практика – социальная практика* должна составлять основу образовательной деятельности на любых этапах обучения, формируя глобальную систему каузации индивидуального сознания, укоренение которой и приведет к качественному скачку – обретению мировоззрения как устойчивой, динамичной и трансформирующейся (с развитием культуры, со сменой когнитивных или системных координат), действенной (активированной) картины мира, содержащей в сердцевине своей значимый элемент духовности. Представим схему такой системной каузации:

Местом существования системной каузации индивидуального образа мира (фактически – способом его оправдания) оказывается собственно мировоззрение как универсальный регулятор осмысленности [9]¹. Согласно Ж.-М. Шефферу, в конечном счете, экзогенной по своей природе идеологической составляющей (фактически политическому мифу или когнитивному насилию), мировоззрение противопоставляет эндогенную «матрицу понимания», построенную на интериоризированных элементах смысла: «оно компенсирует дисфоричность всего, не соответствующего ему, показывая, что это всего лишь локальные и преходящие явления» [9:308]. Очевидно, что погруженное в область духовности мировоззрение испытывает информационный нажим, поступающий от трех эпифеноменальных областей (текстов культуры, социальных и интеллектуальных практик). Это воздействие настолько существенно (особенно в их сочетании), что приводит человека к ситуации нравственного выбора, душевного движения, повседневных перемен. Такой, «очеловеченный», характер каузации хорошо иллюстрирован, например, блестящим романом В. Каверина «Два капитана», где решение главного героя стать полярным летчиком, подкрепляется сильной нравственно-психологической доминантой поиска пропавшей экспедиции капитана Татаринова. Мировоззрение явно формируется в условиях нравственного выбора.

Мировоззрение из относительно статической картины мира (предполагающей нечто стабильное, «семиосферное») все более превращается в подвижную смысловую матрицу, включающую внешние

¹ Неосмысленная система расширенных (вторичных, ассоциативных) каузаций есть миф, традиционный, политический или социальный.

(социальные) и внутренние (когнитивные) элементы, из калейдоскопического смешения которых возникает новая культура интеллектуальной повседневности. *Слом габитусов* в пространстве интеллектуально ориентированного *семиозиса* и их трансформация в систему освоенных индивидуумом когнитивно и социально эффективных интеллектуальных практик есть основной признак современной культуры.

Смысловая матрица (как действующая (и = порождающая) система национально ориентированных интеллектуальных и социокультурных практик)¹ формирует процессуальность познания не на базе ретро-мифа о системности «идеологического целого», однажды предельно означенного («выученного») и не подвергающегося сомнению, а на основании единственно оправданного мифа – мифа желаемого будущего. Именно так, в перманентном режиме ассоциативно-образного и логико-когнитивного порождения мира, а не в ситуации вынужденного достижения прагматических целей повседневности, по сути дела, перелицованной био-физиологической процедуры выживания или, в другом контексте, ситуации доминирующих *когнитивных тем* – образов прошлого («фонарей заднего вида» по М. Маклюэну). Мировоззренческая инициация (включающая и интеллектуального Демиурга – источник мировоззренческого авторитета) есть акт интеллектуально-аксиологического *преобразования*, зачастую намного более важный и адекватный современности, нежели попытка преобразования в религиозном обряде.

Образование личности и свобода творчества

Мир повседневности сопротивляется формированию человека-культуре. Длительная переходность культуры, с которой мы имеем дело сегодня, означает катастрофическую утрату смыслов. Смыслы бытия растворяются в амбивалентности микшированного информационно-денежного мира. А. Секацкий пишет, что в «иллюзионе» со-

¹ В этом смысле идея построения советской идеологемы *Кодекса строителя коммунизма* на основании текста Нагорной Проповеди была актом ничтожения (обнуления) текста-симулякра на фоне бессмертного Текста культуры, входящего в смысловую Матрицу бытия. Цинизм этого действия хорошо, к сожалению, понимали «авторы Кодекса» Г. Х. Попов и А. Аджубей, нисколько не посмеявшиеся над своими действиями в воспоминаниях.

временной экономики «система денежно-информационных обменов воспроизводится как универсальный метаболизм социального организма – круговорота, который после долгой насильственной ассимиляции вобрал в себя остатки прежних насильственных метаболизмов: сакрального знания, потлача, мироустроительного жертвоприношения. Ассимиляция, соответственно, сопровождалась подчинением прежних территорий юрисдикция новостей и денег как раз и обеспечивает желаемую прозрачность, разрушая архаические барьеры прежних суверенитетов и обесмысливая ценности, которые не могут передаваться путем облегченных универсальных обменов» [4:32]. Навязанный индивидууму материально-хаптический мир делает его рабом неэффективных способов деятельности, низкого качества жизни и утраты ценностных смыслов, – фактически тем самым выводит за пределы культуры, делая его заложником субкультурных форм коммуникации и тем самым *проживания* своего отрезка исторического времени.

Обезличивание человека в глобальной сети «информационных продуктов», невозможность реального выбора ввиду массивного навязывания «универсальному потребителю» широко рекламируемых версий выбора (т. н. «простых или эффективных решений»)¹, самоорганизация общества в малые недетерминированные большими национально-культурными сообществами (например, этносом, народом, нацией) социально-культурные группы («тусовщиков», однокашников, земляков, «силовиков», «либералов», «правильных пацанов», сотрудников корпораций, игроков, болельщиков, «ботанов», хакеров, фанов и т. д.), живущих по неписаным, но строгим корпоративным правилам, – все это служит постепенной десоциализации, атомизации общества, утрате общих социально-культурных перспектив. Экзистенциальное человеческое начало, замешанное на чувственно-ассоциативной основе, и противоречивый экстракорпоральный мир, по-

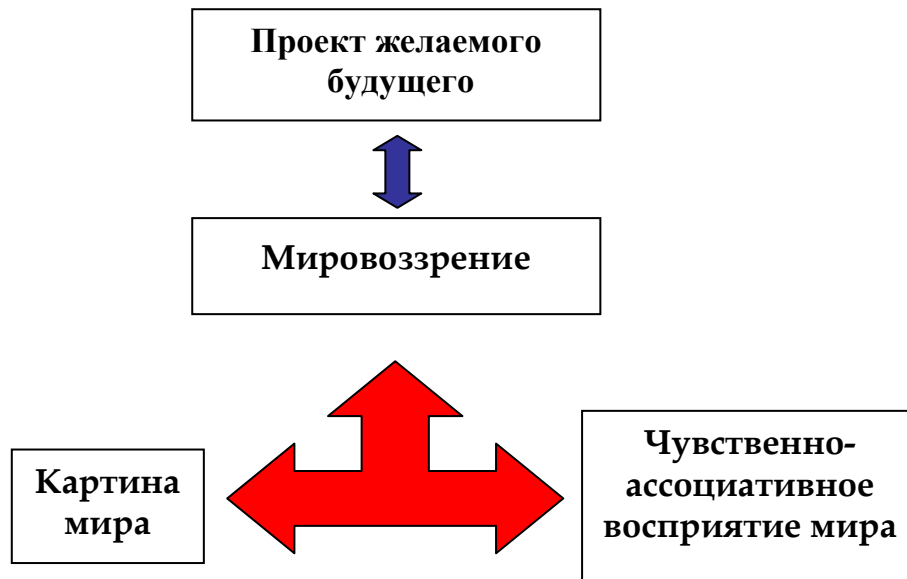
¹ Чего только стоит в этом смысле пропаганда (в отношении небольшого круга) и антипропаганда (в отношении громадного круга) высших учебных заведений и специальностей в них, попытка вообще «понизить» социальный статус высшего образования и науки. Эти действия предпринимаются не только отдельными негосударственными образовательными учреждениями, явно ведущими борьбу за символический капитал, но и органами государственной власти и управления, привлекающими для этого странные и даже бессмысленные «критерии оценки эффективности», использующими методы «черного пиара» и т. п. Государственная логика в подобных действиях просто отсутствует.

строенный на хаосе социального, можно объединить только большим интеллектуально-нравственным усилием. И основания для этого усилия находятся в каузативной системе мировоззрения, выстраивающего свою самость на скрещении экзистенциального ощущения бытия-в-себе и когнитивного представления индивидуальной картины мира. Мировоззрение, таким образом, является «связующим звеном, границей между нонсенсом и смыслом», его «невозможно редуцировать только к рациональному аспекту, актуализирующемуся в концепте «картины мира». В мировоззрение неизбежно входит и субъективный, личностный компонент, реализуемый через единичные акты «всмысливания», «обретения смысла» [2]. Эти акты, благодаря своей сверхинтенциональности, преобразуют сознание индивидуума в эффективный поисковый инструмент, способный осуществлять выбор, интеллектуально-нравственную обработку и решение сложных научных, социальных и личностных задач¹. Такое преобразованное сознание способно представить образ (проект) желаемого будущего в его личностно-релевантном, приватном и даже интимном инварианте.

Мировоззрение в том виде, в котором оно нами представлено, может быть описано графической схемой, учитывающей его смысловое и функциональное окружение. Эта схема демонстрирует: (а) относительную независимость компонентов схемы, (б) возможную вариативность качества и степени выраженности компонентов, (г) идеационную направленность целевых структур сознания, (д) мировоззрение обладает явной виртуальной – символически-знаковой – природой, проецируя на себя структуру семиотического треугольника, преобразованного в категориях социально-культурной модели высокого уровня абстракции.

Проект желаемого будущего «рождается» и удерживается в сознании под воздействием мировоззрения как универсального социального антидепрессанта. Мифопоэтические образы экзистенциального восприятия выстраиваются в систему этического совершенствования и эстетического воспроизводства себя-в (мире красоты, мире чувств и/или мире мысли). Этот процесс встраивания индивидуума в виртуальные миры может быть целевым, профессионально-ориентированным.

¹ В повседневности такое качество человека называют целеустремленностью и ошибочно воспринимают его отдельно от мировоззрения.

Тогда он являет собой целенаправленную (символическую) деятельность по формированию, присвоению, трансляции и развитию символического капитала как одного из наиболее эффективных способов совершенствования мира. Пьер Бурдьё подчеркивал, что «символическая власть есть власть конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок: непосредственное мироощущение (и в особенности – чувство социального мира)...» [1:89]. Образование, тем более образование с «креативной подложкой», позволяющее индивидууму создавать тексты культуры (вербальные, невербальные, художественные, научные, технические или конструирующие, *модельные*) есть один из способов наделяния этой властью, осмысления себя в обществе в качестве инициативной, действенной, иногда – решающей силы.

При этом и действенность, и эффективность символического действия (формирующего символический капитал) будет напрямую зависеть от философско-социального уровня, «задаваемого» мировоззрением, от умения приблизить (детализировать) или удалить (схематизировать) мир в постоянной борьбе за освоение (понимание, принятие) и трансформацию его символических ресурсов. Реализацию этих ресурсов в виде символической деятельности (в т. ч. – художественной) все более принято понимать в виде наиболее динамичной, доступной и всеобъемлющей программы развития человека и общества, неисчерпаемого социального резерва интеллектуально-художествен-

ных практик, способных не только фиксировать и «декорировать», но и изменять мир.

А. Я. Флиер справедливо считает, что «символическая деятельность и ее продукция в ее основных проявлениях (искусство, религия, этнографические ритуалы, социальный этикет) нужны обществу, в первую очередь, для обучения людей правилам нормативного социального поведения и стимулирования их добровольного исполнения этих правил, демонстрации эталонных примеров одобряемого и осуждаемого поведения, иерархии предпочитаемых ценностных построений и т. д.» [6:80].

Вместе с тем все социальные установления культурной среды, ограничивающие человека в выборе способов осуществления символической деятельности и распоряжения приобретенным символическим капиталом, носят рамочный характер (полный произвол языка текстов культуры и произведений искусства ослабляет его трансляционный потенциал, «встраиваемость» в историко-культурную парадигму). Сущностью, смыслом символического производства (творчества) является интеллектуальная и образно-ассоциативная *свобода*, позволяющая работать на границе, в пространстве Между и потому неумолимо ведущая к вечному обновлению культуры.

Мировоззрение и интеллектуальный выбор (региональный аспект)

Одной из наиболее остро поставленных современной социально-культурной ситуацией России проблем есть проблема интеллектуального выбора. Актуальность этой проблемы, напрямую связанной с проблемой формирования мировоззрения, объясняется следующими факторами:

1) Неопределенностью когнитивной политики страны на современном этапе.

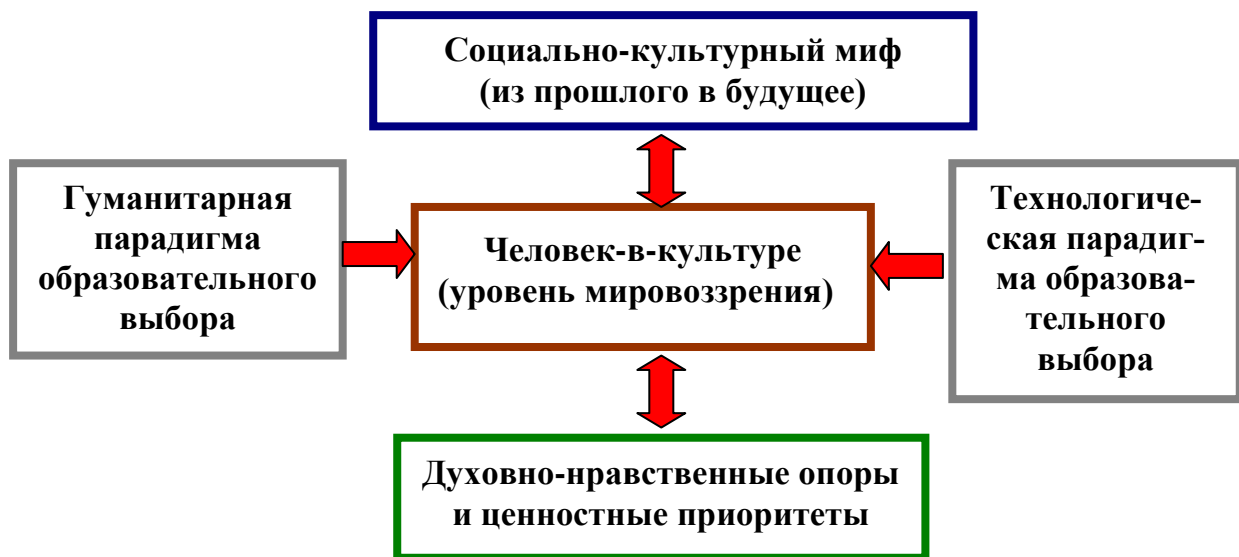
2) Фрагментарностью образовательной стратегии, сводимой только к отдельным ссылкам на «международный опыт и практику».

3) Обострения борьбы за символический капитал между «центром» и «периферией», ввиду общего дефицита бюджетных и внебюджетных средств, направляемых на науку и образование (менее критического порога в 2 % ВВП).

4) Практического отказа государства и бизнеса от поддержки идеациональных институтов общества (культуры и образования, детского воспитания, информационных систем, СМИ в области образования и культуры, теле-, кино- и книгопроизводства в отношении «немассовых» интеллектоемких культурно-образовательных проектов, например историко-культурного и документального кино, телевизионных историко-культурных образовательных проектов, учебных фильмов по культуре и искусству, серий книг по отечественной культуре, культуре регионов для детско-юношеской аудитории и т. п.

5) Снижения государственного и общественного интереса к краеведческой и музейной деятельности, перевод этой деятельности с государственных, профессиональных основ на использование волонтерских, любительских и местных ресурсов.

6) Прекращение государственного финансирования национально-регионального компонента государственных образовательных стандартов.

Именно эти факторы препятствуют формированию базовых национальных тезаурусных платформ, способствующих ускоренному развитию эффективных интеллектуальных и художественных практик, становлению личностного мировоззрения как креативной *порождающей системы*. В этих условиях возрастает роль регионального управления социально-культурными процессами, выраженная (в том

числе) в сильной региональной культурной политике. Эта политика должна быть, на наш взгляд, симметричной структурным и функциональным аспектам мировоззрения и включать:

1. Существенные смысловые основания регионального социально-культурного мифа, его «привязку» к актуальным событиям интеллектуальной и культурной жизни региона. При этом миф не может носить признаки «провинциальной» вторичности, смысловой незавершенности (для Европейского Севера России весьма привлекателен миф об Арктогее, который нуждается в очень хорошем научном и художественном обосновании). Этот миф хорошо «разворачивается» в сторону возможного (желаемого) будущего, включающего в себя образ Заполярного культурно-научного образовательного (проектного) центра, воспроизводящего наиболее эффективные практики культурной (символической) индустрии как возможности (и = направления) развития и саморазвития человека-в-культуре. «Вперед к Арктогее» – есть некоторый прообраз универсального слогана для социально-культурной мобилизации масс.

2. Возможность выбора для интеллектуального и витального развития, решения круга «жизненных проблем» (в данном случае подходят модернизированные, философско-культурологически насыщенные вертикали гуманитарного и технического образования, «разомкнутые» на перспективы широкого межрегионального и международного сотрудничества региона).

3. Сочетание «оседлого» и «кочевого» (вахтового, дистанционного) способов реализации себя в регионе, объединение региональных и общенациональных значимостей своего социально-культурного бытия (например, в виде создания общероссийских и международных социально-экономических и культурных институциональных кластеров типа интеллектуальной и культурной/художественной сетевой индустрии, участия в «больших» социально-культурных проектах, не требующих обязательного выезда за пределы региона, а также обязательного приезда в регион на постоянное место жительства и т. п.).

4. Определение своей духовно-нравственной позиции в отношении основных политико-правовых и социально-культурных проблем страны и региона, определение *своего места* в решении этих проблем. Фундаментация широкого общественного движения «ориента-

ции на Север», противостоящего любым деструктивным социально-культурным трендам.

5. Готовности к духовному действию во имя решения поставленных перед собой нравственно-этических задач.

С учетом смыслофункциональных системных связей мировоззрения, показанных нами выше, можно представить схему формирования устойчивого мировоззрения в духовном пространстве региона. В ней обязательно должно учитываться соотношение целе-мифа, духовно-ценностных опор и проблемы выбора образовательной парадигмы как акта включения в процесс символического обустройства региона. Очевидно, что стабильность образовательного выбора в условиях северного региона, его направленность на символическое *самостроительство* этого региона обуславливается уровнем взаимодействия мифо-целевых, духовно-нравственных (ценностных) и собственно мировоззренческих элементов индивидуального сознания, а также, конечно, способом представления возможного выбора как нравственного решения. По всей видимости, в этом сопряжении ориентационных действий и заключаются когнитивно-социальные возможности формирования человека-в-культуре в регионе и для региона.

1. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96.

2. Важенин Е. С. Мировоззрение как когнитивный механизм // Аналитическая культурология. 2012. Вып. 2: сайт. URL: www.analiculturolog.ru

3. Рабинович В. Л. Человек в культуре. Введение в метафорическую антропологию. М.: ФОРУМ, 2008. С. 305–315.

4. Секацкий А. Последний виток прогресса (От Просвещения к Транспарации). Исследование. СПб.: ООО «Издательство К. Тублина», 2012.

5. Сорокин П. А. Кризис нашего времени: социальный и культурный обзор. М.: ИСПИ РАН, 2009.

6. Флиер А. Я. Культурная среда и ее социальные черты // Мир культуры и культурологии: альманах Научно-образовательного культурологического общества России. СПб.: Изд-во христианской гуманитарной академии, 2013. Выпуск III. С. 78–87.

7. Франк С. Присутствие прошлого как симптом кризиса современной культуры – или конец парадигмы модернизма? // Кризисы культуры и авторы

на границе эпох в литературе и философии / под ред. С. Гончарова, Н. Григорьевой и Шаммы Шахадат. СПб.: ИД «Петрополис», 2013. С. 80–92.

8. Хренов Н. А. Культура в начале XXI века и ее роль в становлении межкультурного диалога // Диалог цивилизаций в эпоху становления глобальной культуры / отв. ред. Н. А. Хренов. М.: ГИИ, 2012. С. 8–15.

9. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение, 2010.